

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-25-40>
<https://elibrary.ru/OMYMJL>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Главный персонаж повести Ф.Д. Крюкова «Зыбь» Никифор Терпуг: трансформация образа

© 2026, Ю.И. Сёмина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Автор статьи впервые обращается к черновой рукописи повести Ф.Д. Крюкова «Зыбь», позволяющей обосновать трансформацию образа главного героя, казака Никифора Терпуга, от первоначального авторского замысла радикального революционера по прозвищу Мовод до аполитичного амбивалентного персонажа в редакции повести, опубликованной в сборнике товарищества «Знание» в 1909 г. При анализе изменения образа Терпуга используются архивные материалы — дневники и письма писателя, способствующие достоверности интерпретации авторского замысла персонажа. В статье выявлена взаимосвязь между поисками Крюковым, бывшим в 1905–1909 гг. активным участником либерального общественно-политического движения в России, своего пути в стремительно меняющейся жизни и трансформаций главного героя «Зыби». Сделан вывод, что Крюков задумывал образ Терпуга как «нового человека» своего времени, героя-казака, исторически доказавшего способность защищать собственную свободу и независимость. Однако несколько лет, прошедших от замысла повести и до ее воплощения, изменили политические взгляды писателя, разочаровавшегося в результатах революционного движения 1905 г., что отразилось на окончательном образе персонажа. Главный герой «Зыби», сочетающий в себе демократические устремления с инфантильно-деструктивными наклонностями, открывает галерею амбивалентных персонажей социальной прозы Крюкова, показанных в переломный период российской истории 1905–1917 гг.

Ключевые слова: Федор Дмитриевич Крюков, повесть «Зыбь», Никифор Терпуг, Мовод, социальная литература, «новый человек», герой-революционер, автопсихологический персонаж

Информация об авторе: Юлия Ивановна Сёмина — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-4396-0722>

E-mail: yuliyasemina@mail.ru

Для цитирования: Сёмина Ю.И. Главный персонаж повести Ф.Д. Крюкова «Зыбь» Никифор Терпуг: трансформация образа // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 25–40. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-25-40>

В произведениях 1905–1917 гг. Крюков продолжил традицию социальной литературы «больших писателей» второй половины XIX в., которые, по словам Л.Я. Гинзбург, «отвечали на вопросы, поставленные освободительным движением, — независимо от своего отношения к революционным методам их решения»¹. Крюков тяготел к «героическому» роману И.С. Тургенева, по определению Л.В. Пумпянского, «не столько роману о герое, как <...> о том, является ли герой действительным героем» [15, с. 383]. Крюковские персонажи из народа, показанные в момент широкого жизненного перелома в России в начале XX в., сознают социальную несправедливость и пытаются выйти из состояния смирения и покорности. Активный участник либерального общественно-политического движения в 1905–1909 гг., Крюков улавливает ростки новых жизненных процессов и обращается к близкому ему образу казака, который, в его представлении, может стать «новым человеком», «героем» его времени.

Повесть «Зыбь» была написана в 1909 г. во время отбывания Крюковым заключения в тюрьме «Кресты» за подписание Выборгского воззвания к народу². Пребывание в одиночной камере в течение трех месяцев дало возможность писателю сосредоточиться на творчестве («Сейчас принес мне надзиратель чернильницу <...> Теперь надо использовать досуг возможно плодотворно...»³), концентрируясь на своих переживаниях («Вчера, в сумерках, лежа на койке и глядя в потолок и в дверь своей камеры, я сравнил этот <...> лишенный свободы мир со своей жизнью»⁴) и вдохновляясь текстами великих лириков⁵. Романтическое настроение Крюкова чувствуется в напи-

¹ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1976. С. 37.

² Выборгское воззвание — обращение от 9 (22) июля 1906 г. «Народу от народных представителей», составленное в городе Выборге и подписанное значительной группой депутатов Государственной Думы первого созыва через 2 дня после ее роспуска указом Императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению): не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

³ ОР РГБ. Ф 654. Карт. 1. Ед. хр. 19. Л. 42.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ В автобиографическом рассказе «У окна» (1909) Крюков описывает свой день в «Крестах», цитируя М.Ю. Лермонтова: «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» и пушкинского поэта Ленского: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни... (См.: [9, с. 325]).

санном по следам заключения в «Крестах» автобиографическом рассказе «В камере № 380»: «Нет, нет... Я никогда, ни одним намеком не обнаружу, что раскаиваюсь, сожалею, малодушествую... Ни в каком случае! Никому!..» и еще: «Дух мой порой шатается, — это правда, — бывают минуты горечи, отчаяния, безнадежных мыслей, — но знамени я не опушу!..» [9, с. 358].

Пребывая в «Крестах» в приподнятом настроении борца за права народа, Крюков планирует, словами А.Г. Бялого, «восстановить героизм в его законных правах»⁶ и отрабатывает образ Никифора Терпуга, молодого казака, мечтавшего «о чем-то громком, дерзком, героическом...» [9, с. 207]. К началу XX в. в отечественной литературе казак был представлен, прежде всего, в образе воинствующего персонажа, охраняющего государственные интересы от внешнего и внутреннего врага. Однако крюковский Никифор Терпуг — не воин, он казак-землепашец, рано потерявший отца и ставший главной рабочей силой в семье. Терпуг, недюжинной силы парень, которую единственно получил в наследство от родителя, любит труд, хозяйским взором окидывает семейный надел перед посевом. Но трудиться спору не дает старая кобыла Корсачная и всего одна борона (с Корсачной «шло им по двадцатому году. Но он только входил в силу, расцветал, а она уже доживала свой трудовой век» [9, с. 204]). Купить новую лошадь и пахотную утварь Терпугам не под силу, живут они «бедно против людей», то нанимаясь на поденную работу, то и вовсе, как жена старшего брата, ушедшего на службу, поселившись у чужих людей в качестве прислуги. Отец Никишки, гуляка и весельчак, умер, когда младшему сыну шел двенадцатый год, и семья попала в «серую, цепкую, безмолвно жесткую нужду». Никифор рос «по людям», был «погонцем, пастушком», выполнял любую работу, лишь бы прокормиться. Несмотря на бедность, Никишка научился читать и стал заядлым книголюбом, беря пример с более образованного приятеля — Егора Рябоконева. Терпуг не все понимает в приносимых ему Егором книгах, но, чувствуя близость сочинений о Джузеппе Гарибальди и «Ответа синоду» Л.Н. Толстого зреющему в нем протестному духу, хочет бороться против нужды и народного бесправия.

Изображение Крюковым казака как представителя простого народа, работающего на земле, без воинского ореола было для своего времени новаторским, о чем упоминалось как при жизни писателя, так и в современных исследованиях (см.: [1, с. 46; 3, с. 25; 18, с. 278]).

⁶ Бялый Г.А. В.Г. Короленко: Монография. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Худож. лит., 1983. С. 332.

Юные годы Терпуга в завязке сюжета напоминают юность Павла Власова из романа М. Горького «Мать» с той разницей, что Павел, потеряв отца, «первого силача в слободке», и оставшись главным кормильцем в семье в шестнадцать лет, с помощью более образованных товарищей и либеральной литературы осознанно выбирает путь активной революционной борьбы. Сближение с героем Горького не было случайным, еще в 1902 г. Крюков писал в дневнике, что произведения Горького являются примером «мужества и готовности борьбы за свои права и за права угнетенного человека»⁷, что, возможно, повлияло на выбор издания для опубликования «Зыби» (повесть «Зыбь» была опубликована в сборнике «Товарищества «Знание» № 27 1909 г., хотя предыдущие «крупные» произведения Крюков размещал в журнале «Русское Богатство»).

Образ Никифора Терпуга задумывался Крюковым задолго до «Крестов», во время орловского учительства (до 1905 г. включительно)⁸, когда писатель выступил в печати против чиновничьего беспредела в гимназии, что отразилось на первоначальной идейной установке Терпуга, во многом сходной с революционностью Павла Власова. В черновой рукописи Крюкова «Мовод», содержащей основные сюжетные линии будущей повести «Зыбь», Никишка Терпуг не просто мечтает «о чем-то героическом», но «одно думает: кабы поднялось вооруженное восстание, бросил бы все, пошел бы. Потому что Романовскую фамилию всю надо перевести!»⁹ Терпуг в «Моводе» ставит себе в пример главного героя романа С.М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» как «революционера... борца за народную свободу». В черновой рукописи Никифор не малообразованный казак, а человек, знакомый с русской историей («Ты почитай русскую историю — вот про Екатерину царицу... Увидишь, какие там лишения попадали в чрево беззаконных!...»), жаждущий не просто абстрактного геройства, но формулирующий возможные меры по переустройству существующего порядка: «...То министра какого-нибудь шарахнут, то казначейство... Любо глядеть... Вот, ребята, народец-то так народец...»; «Закон должен быть правильный.

⁷ ОР РГБ. Ф 654. Карт. 1. Ед. хр. 17. Л. 50.

⁸ Черновая рукопись повести «Зыбь» — «Мовод», хранящаяся в ОР ИМЛИ РАН (ОР ИМЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 6.), содержит авторскую отметку: «Адрес автора: г. Орел, преподавателю Первой гимназии Фдр. Дм. Крюкову (ОР ИМЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 17 об.)». В связи с тем, что Ф.Д. Крюков был назначен сверхштатным преподавателем истории и географии 1-й мужской гимназии Орла в 1900 г., а переведен из Орла на должность сверхштатного учителя истории и географии в Нижегородское Владимирское реальное училище в августе 1905 г., рукопись можно датировать временным отрезком 1900–1905 гг.

⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 6.

Правильному закону я подчинюсь. А правильного закону у нас нет...»¹⁰.

Таким образом, изначально задуманный Крюковым Никифор Терпуг — это революционер, настроенный на радикальную борьбу против чиновников и самодержавия, за установление нового порядка и новых законов. Само название черновой рукописи — «Мовод» — отсылает к революционно-романтическому роману Э.Л. Войнич «Овод» и может быть понято как условный псевдоним главного героя: «“медведицкий” овод», то есть революционер, рожденный на реке Медведице или в станице Усть-Медведицкой (в народе «Медведицкой»; Крюков родился в Усть-Медведицком округе Области Войска Донского, учился в Усть-Медведицкой гимназии). Такое толкование названия черновой рукописи следует из склонности писателя при формировании псевдонимов и имен персонажей обращаться к близким ему антропонимам и топонимам¹¹. Связь с «Оводом» прослеживается не только в первоначальном образе Никифора Терпуга, но и в других произведениях Крюкова орловского периода. Описание видения Овода-Артура после смерти матери, призывавшее его «отдать жизнь за Италию, освободить ее от рабства и нищеты <...> и создать свободную республику»¹² созвучно очерку Крюкова «Памяти матери», написанному после ее смерти в 1904 г.: «пусть легкая песнь твоя <...> дает нам добрые силы послужить этой земле, нашей родине, положить к ее ногам все знания, все стремления к свету и счастьем людей...» [7, с. 330].

Революционный образ Терпуга (как и Андрея Кожухова, и Овода) был близок самому Крюкову в 1905–1906 гг., когда он, фактически уволенный за обличение орловских гимназических чиновников в печати, решает оставить учительство и идти по пути открытой борьбы за права народа. Исследователи творчества Крюкова отмечают, что он не был «ни последовательным революционером, ни разрушителем основ существующего социального строя» [10, с. 126]. Это верно, если обращаться к взглядам Крюкова после вынужденного в связи с высылкой из Области Войска Донского переезда в Петербург в 1907 г. и постепенного разочарования в достижениях революционного движения 1905 г. Но если анализировать взгляды Крюкова до этого времени, то писателя можно рассматривать как

¹⁰ Там же.

¹¹ Псевдоним Крюкова «Иван Гордеев» от деда Ивана Гордеевича Крюкова, псевдоним «Александр Березинцев» — от имени брата Александра и топонимов, связанных с матерью Крюкова: Березняги и Дальний Березов и т. п.

¹² *Войнич Э.Л. Овод. Роман / пер. с англ. Н.А. Волжиной; послесл. Е.А. Таратута. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1979. С. 12.*

донского идеолога-революционера, что подтверждается его письмами 1906–1907 гг. одному из организаторов Трудовой (народно-социалистической) партии А.И. Иванчину-Писареву: «у нас чувствуется недостаток в литературе — в особенности революционной»; «некоторый разгром, хотя и не столь страшный, пришлось потерпеть нашему кружку: человечка три попали в тюрьму»; «Усть-Медведицкий округ теперь, без преувеличения, одно из самых серьезных мест в России по революционному настроению» [14, с. 389, 390, 392] и т. п. Впрочем, Крюков в этот период вкладывал в понятие «революционер» наивное, романтическое представление, выраженное в признании одного из персонажей его рассказа «Шаг на месте» (1907): «Я стал самым необузданным мечтателем <...> мечтателем и революционером» [9, с. 136].

Образ революционера в отечественной художественной литературе конца XIX – начала XX в. формировался под влиянием европейских героев, прежде всего Джузеппе Гарибальди, сочинения которого или рассказы о нем с 1861 по 1908 гг. издавались в России 539 раз [13, с. 85]. К Гарибальди обращались литераторы XIX в. (А.И. Герцен называл его «мужем-геркулесом» Италии, Н.А. Добролюбов упоминал о нем как о «человеке, не уступившем пошлости, а сохранившим свято свою идею» [13, с. 82–83]), он оставался символом народной борьбы и для прогрессивных писателей начала XX в., считавших вслед за Степняком-Кравчинским, что «жизнь Гарибальди не только прекрасна, но именно художественно прекрасна»¹³. М. Горький в 1906 г. вспоминал, что «в первый раз <...> услышал” это великое и светлое имя“ в тринадцать лет от одного крестьянина, рассказывавшего о ”бедном рыбаке Джузеппе Гарибальди“ с “великой душой”, который поднял простой народ на победоносно закончившуюся борьбу за свободу»¹⁴, что тронуло тогда Горького и запомнилось на всю жизнь.

Никифор Терпуг в «Зыби» трижды упоминает Гарибальди, даже в интимной сцене с возлюбленной Ульяной его не покидают мысли о герое: «Вот про Гарибальди ты почитала бы книжку! Какой герой был!» [9, с. 225] Л.Я. Гинзбург отмечала, что «в процессе своего становления человек в какой-то момент начинает ориентироваться на тот или иной идеальный образ, уже существующий в общем сознании. Человек подключается к историческому характеру, и это

¹³ Степняк С. Джузеппе Гарибальди. Биографический очерк. СПб.: Издание Е.М. Алексеевой, 1906. С. 62.

¹⁴ Горький М. Как я первый раз услышал о Гарибальди // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949. Т. 7: Мать. Рассказы, очерки 1906–1907. С. 321.

подготавливается иногда постепенно, иногда наступает как перелом»¹⁵. Полагаем, что существует и обратный порядок, при котором человек в переломный период отталкивается от сложившегося в его сознании идеального образа и начинает переосмысливать его, примеряя идеал к пережитому опыту. Попав в «Кресты», Крюков подвергает образ героя существенной трансформации. Имевший в «Моводе» четкую установку на изменение существующего строя, размышлявший над русской историей, сознательный Никифор становится в «Зыби» персонажем спонтанным, инфантильно-аполитичным, стремящимся к правде и справедливости, но воспринимающим эти понятия крайне абстрактно.

Почему произошла такая перемена в образе главного героя? В течение трех лет после выступления Крюкова с трибуны Первой Государственной Думы о защите прав его избирателей — казаков — и погружения в общественно-политическую деятельность на Дону и в Петербурге, писатель все чаще думал о «нравственном здоровье народа» [18, с. 132], задавая себе вопрос: «доросли ли мы до свободы?»¹⁶ В простом народе он не видел ни понимания, ни сопереживания тому, что происходило в стране, встречая либо равнодушие («...разойдутся <...> по знакомым, по трактирам, портерным, будут себе браниться, вздыхать <...> и затем вернуться в свои конуры, чтобы завтра опять приняться за обычный, будничный труд, который вытеснит мысль об общем народном деле» [9, с. 41]), либо желание на волне попираания старых порядков урвать кусок («Общее впечатление — безнадежность. Отсутствие солидарности, эгоизм, привычка мелких хищников и хамов урвать, расчет <...> лишь бы мне <...> тщеславие мелкое, грубо слышное...»¹⁷). В «Крестах» Крюков, наблюдая за тюремными стражниками из мужиков, получившими власть над теми, кто добивался для них лучшей жизни, делает неприятное заключение: «Ведь это — русский крестьянин, тот самый, из-за которого прияли крест настоящие страстотерпцы... он не по необходимости, а по особой, охотничьей страсти подкарауливает, высматривает нашего брата, старается уловить, отменным усердием причинить лишнюю царапину... Тут уж — не нужда <...> тут — привычка вцепляться зубами в живое, беззащитное место, упиваться чужою болью унижения и бессильной злобы...» [9, с. 335]. Крюков, с одной стороны, сожалеет о народной инертности, с другой, начинает опасаться того момента, когда «...темная масса голов

¹⁵ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1976. С. 24.

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 640. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 32.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 654. Карт 1. Ед. хр. 18. Л. 64.

<...> не только будет слушать, щелкать семечки, шушукаться, хихикать», но заговорит, тогда «все поползет врозь, все погибнет, рухнет, одичает, ожесточится...» [9, с. 156].

В 1906 г. в рассказе «Станичники» писатель размышлял о таящихся в людях жестокости и беспощадности, показывая молодых донцов, призванных на военную службу для умирения народных волнений в Петербурге. Одного из казаков зовут Никифор Оводов, «героическая» фамилия которого в рассказе «понижена» отрицательными чертами этого персонажа, что можно рассматривать как одно из звеньев трансформации и Никифора — Мовода (вовсе лишившегося героического прозвища «Мовод» в окончательной редакции «Зыби»). Никифор Оводов и служащий вместе с ним Андрей Шурупов, простые казаки, любящие свои семьи, скучающие по родине, не склонные к преступлению в обычной жизни, оказавшись в ситуации вынужденного исполнения полицейской функции, становятся жестокими убийцами так называемого «внутреннего врага», представленного такими же простыми людьми, как они сами. Оводов в ответ на проявленную Шуруповым жалость к затоптанному при разгоне бастующих рабочих мальчишки: «Не по совести мне это... Бежит человек, а ты его еще хлещешь... Надьсы парнишку задавили на заводе... жалко! Чернобровенький, беленький... с моего Агапку... жалко!», возражает: «...ему жалко, дескать, затоптали... Сколько мы перекалечили, — всех не пережалеть!...» [9, с. 79]. В итоге и в проявляющем сострадание к невинно гибнущим людям Андрее Шурупове при виде «дико мчавшегося испуганного стада» поднимается что-то «дикое, жестокое, опьяняющее...», он не может «удержаться от соблазна погони и ударов...» и, «повинуясь лишь охватившему его хищному возбуждению», наносит удар какому-то случайному мещанину, попавшему в бегущую толпу. Описывая безмотивную жестокость людей, как из числа бастующих («Только сотенного командира одним камнем ка-ак хлыстнет в морду!..»), так и усмирителей («...наш взводный <...> ка-ак саданет ее!.. Шляпку всю чисто на прах помял, и сама как не стояла на ногах» [9, с. 80]), Крюков акцентирует иррационально-деструктивный характер народных умонастроений.

Отстранившись от «политического митинга», не прекращавшегося, несмотря на отрезанность от внешнего мира, и в тюрьме («... тюрьма не спит. Всюду я слышу оживленную беседу без слов... Стук дробный, мелкий, проворный <...> я могу спокойно читать ее, эту своеобразную тюремную грамоту... Но я ухожу мыслью и мечтой из толстых тюремных стен опять туда, на волю, где тяжело и глухо шумит широкая река человеческой жизни...» [9, с. 325]), Крюков

изменяет первоначальный замысел «Зыби» и отражает в ней то, что видит в жизни и не находит в горьковских «манифестах» [19, с. 486] о крестьянах и рабочих. В октябре 1910 года, отзываясь о повести «Лето», Федор Дмитриевич заметит Горькому, что «...народ, так и деревня <...> не таковы, как в “Лете” <...> я бы хотел побольше тревоги, метания, растрепанности <...> Пестрота и искание — это, может быть, главное теперь.» [5, с. 23]. Именно таким героем, ищущим, мечущимся, спонтанным, становится крюковский Никифор Терпуг, пытающийся, как и сам писатель, которого «обвиняли» в «мелеховщине» («Трудолюбие, человечность, правдивость, любовь к своему краю, «тихому Дону» сочетались у него с социальной неустойчивостью, отсутствием определенного места в революционной борьбе...») (цит. по: [18, с. 33])), найти свое место в изменяющейся жизни.

Повесть «Зыбь» является произведением автопсихологическим, в котором, словами Л.Я. Гинзбург, находит отражение та «прямая и открытая связь, которая существовала между нравственной проблематикой, занимавшей писателя и нравственной проблематикой его героев»¹⁸. Однако в отличие от автобиографических персонажей «учительского цикла» Крюкова [16, с. 59–72], в которых писатель «воплотил свой эмпирический жизненный опыт», в образе Терпуга Крюковым закладывается «программа» «нового человека», ставшая «проекцией его собственных грез» [2, с. 26], и, одновременно, проверка «героя» на геройство. Будучи казаком по рождению, но получив высшее образование в Петербурге и влившись в ряды литературной интеллигенции, Крюков внешне приобрел столичный лоск, но внутри оставался донцом казачьей станицы Глазуновской. Как отмечал в романе-хронике «Красные дни» А.Д. Знаменский, Крюков был «казаком до мозга костей», любившим «пуще» «приличного общества» и «интеллигентной сдержанности» «хуторской круг и карагот, старые донские песни на посиделках и в застолье, молодежное игрище» [6, т. 1, с. 16]. Чувствуя в казачестве силу, сохранившую «самые здоровые традиции русского национального характера: любовь к труду и земле, жизнестойкость и независимость, боевой дух и предприимчивость», Крюков верил, что герой-казак сможет отстоять «самое дорогое, самое высокое, самое светлое — человеческую личность, ее достоинство, ее человеческие права» [9, с. 33], и в который раз помочь России создать ее историю.

Итак, Никифор Терпуг смел, силен, готов отдать жизнь за то, чтобы покончить с несправедливостью и нуждой, как и его геро-

¹⁸ Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. 2-е изд. Л.: Худож. лит., 1976. С. 299.

йские предки, хотя и не знает, куда именно приложить свои силы: «Эх, почему я не жил в те времена! Если бы теперь Ермак или Разин, ну — ни одной бы минуты в станице не остался!..», «кабы мне кто объяснил, как сделать, с чего начать, — я бы не подорожил своей жизнью... Я бы вышел на чистое поле!» [9, с. 212, 225]. Кроме внешнего «геройства», Терпуг наделен рядом положительных качеств, прежде всего, приверженностью традиционным казачьим (и общерусским) ценностям: он любит труд на земле («молодому Терпугу было безотчетно весело, душа смеялась и резвилась от непривычно-радостных ощущений самостоятельного хозяина»); ценит родственные связи, привязан к матери и племяннику («Хоть бы мать пришла, положила бы свою усталую старушечью руку ему на голову, пожалела бы его...»); «Он с любовной улыбкой потрогал пальцем маленький кулачок своего племянника»); не являясь активно религиозным («довольно равнодушен он был к Богу и редко вспоминал о нем»), он, в то же время, верит в Бога как во что-то безусловное, не подлежащее сомнению: «О, оглянись Ты, Неведомый и Всемогуший <...> Благослови эту скудную пашню... Господи!..» [9, с. 208].

При этом Терпуг — «забубенная голова», отчасти в отца — «гуляку и весельчака», отчасти в силу исторически сложившихся в казачьем характере отчаянности и спонтанности (сегодня казак жив, а завтра — погиб в очередном военном походе или в «набеге»). Несмотря на бунт сердца «против горько-обидного, несправедливого порядка жизни», который он, впрочем, периодически демонстрирует, провоцируя представителей власти в станице (его «толкало на ненужные выходки, на дерзости полицейскому Возгрякову, стражнику и даже самому Фараошке, станичному атаману»), «при самом малом удовольствии» Никифор забывает злость на жизненную несправедливость и «с увлечением отдается беззаботному веселью». Не задумываясь о моральной стороне своего поведения, Терпуг добивается интимной близости с замужней женщиной — жалмеркой Ульяной Губановой, и гордится своей победой: «Пусть догадаются, что идет он от чужой жены и весь охвачен ликующим ощущением великолепной жизни. Пусть, вздохнувши, вспомнят старики свою молодость и позавидуют ему...» [9, с. 225].

Грезя о новой жизни, Никифор сначала следует за Рябоконевым, образованным, рассудительным молодым человеком, который начитанностью в спорах превосходит известного книгочея станицы Памфилача («Терпуг брал не критикуя, на веру, готовыми все его мысли»), но затем поддается авторитету мошенника, конокрада, гуляки, «скандалиста, ругателя и непочетчика старших» Семена Ко-

пылова. Разгоряченный водкой в компании станичных казаков и разговорами о чужой сытой жизни и легкой наживе («Духовенству жизнь хорошая... Посмотри, у о. Василия живот-то какой!..»; «Пришли <...> в монастырь <...> трое вот таких молодцов <...> “Руки кверху!” <...> Забрали, говорит, денежки и ушли...»), Терпуг не слышит трезвых аргументов Егора Рябоконева о необходимости «добиться правильной жизни, тогда и деньги придут» и решает пойти за громко-пьяным Семеном Копыловым на ограбление купцов: «В ком отвага есть, тот найдет, чем угостить <...> Потому что кто смел, тот семь съел! Это не то, что иные книжники и прочие...» [9, с. 237]. Наступившее после гуляния и двойного разбоя утреннее протрезвление заставляет Никифора устыдиться («Дико, нелепо и смешно как все вышло... Милые, восторженные мечты о красивом подвиге, о славной молве... прощайте <...> И это он смел мечтать о Гарибальди, он, Никишка Терпуг, сырой, необработанный пень?!»), однако не влечет за собой раскаяния после обоснованного заключения виновного под стражу («Подумать только: за что? Кому какое зло сделал он?»).

Крюков, как в свое время Тургенев, который «отчасти путался» в характере своего героя, «спасая» в Базарове «человеческое <...> противоречиями, непоследовательностью»¹⁹, тоже «спасал» Терпуга «авторским сочувствием» [4, с. 10], но все-таки склонялся к тому, что его «герой» не может проявить себя, не принеся вреда отечеству.

Однажды преступив черту и не сознавая этого, Терпуг, совершив череду спонтанных, отчаянных поступков, глупо погибает от руки одного из купцов, пытавшегося нагнать его после побега из-под стражи: «Что-то хрустнуло. Кровь показалась над ухом. Терпуг стремглав полетел в бездонный, темный погреб, в котором было пусто и немо...» [9, с. 265]. Финал повести остается открытым: смерть главного героя или потеря сознания? Возможно, Никифор мог бы подняться из метафорического погреба (ср. у А.А. Блока: «Поднимались из тьмы погребов. Уходили их головы в плечи...»), но, с учетом настроения Крюкова в «Крестах», полагаем, что писатель не захотел дать своему персонажу гипотетическую возможность пополнить ряды тех «новых» людей, которые, по словам В.А. Мякотина, пришли в 1917 г. как «девятый вал» и «сразу смыли старый порядок и старую власть»²⁰.

Таким образом, крюковская рефлексия вылилась в «Зыби» в образ «негеройского героя» Терпуга, персонажа амбивалентного, сочетающего в себе положительные качества и нравственные по-

¹⁹ Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель, 1979. С. 54.

²⁰ Мякотин В.А. Великий переворот и задачи момента // Русские записки. 1917. № 2–3. С. 399.

роки: этот «естественный» или «природный» персонаж («природа словно овладевает персонажем» [3, с. 163] — человек со всеми его слабостями и добродетелями, подхватываемый ветром социальных перемен первых десятилетий XX в., пытался проявить себя в тех обстоятельствах, которые преподносила ему жизнь. «Зыбь» Крюкова, являясь метафорой «неспокойства общественной жизни, пограничного, контрапунктного ее состояния» [17, с. 51] — «это повесть предчувствия грядущих жестоких перемен» в России [10, с. 136]. Впрочем, ощущением неизбежной жизненной катастрофы пронизаны и другие социально окрашенные произведения Крюкова 1905–1919 гг. В одном из них — очерке «Цветок-Татарник», написанном «очень поправевшим» после 1917 г. Крюковым (цит. по: [12, с. 166]) за несколько месяцев до его гибели, казак Никашка на лошади Звездочке в составе 28 конного полка отвоевывает у красных свою станицу. Однако уже не он, а его племянник, семилетний «босоногий, оборванный Панкратка», «как колючий, стойкий репей-татарник», видится Крюкову «будущим защитником Дона и матери России» [8, с. 265], «героем» нового времени, которого писатель уже не застанет.

Литература

1. Астапенко М. Его называли автором «Тихого Дона». Ростов н/Д.: Единство, 1991. 115 с.
2. Бولшевы А.О. Шедевры русской прозы в свете психобиографического подхода. СПб.: Изд-во Филол. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2011. 348 с.
3. Гао Х. Донское казачество в художественном восприятии Ф.Д. Крюкова и литературный контекст: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 224 с.
4. Гао Х. Драматизм казачьей жизни в произведениях Ф. Крюкова // Филология: научные исследования. 2023. № 10. С. 9–14. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.10.48494>
5. Егорова Ю.М. «Есть у вас добрый лиризм, <...> задушевный, искренний и русский»: М. Горький и Ф. Крюков // Федор Дмитриевич Крюков: возвращение к читателю. Мат. Всерос. научн. конф. Орел: Изд-во АНО Духовно-патриотического центра «Вятский посад», 2024. С. 16–27.
6. Знаменский А.Д. Красные дни: Роман-хроника: в 2 т. М.: Сов. Россия, 1991.
7. Крюков Ф.Д. Памяти матери // Федор Крюков. Накануне. В час предрассветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. С. 323–330.
8. Крюков Ф.Д. Цветок-татарник // Крюков Ф.Д. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. М.: АИРО-XXI, 2009. С. 262–267.
9. Крюков Ф.Д. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону. М.: АИРО-XXI, 2020. 368 с.

10. *Малюкова Л.Н.* «И покатылся с грохотом обвал...» Судьба и творчество Ф.Д. Крюкова. М.: Флинта, 2019. 256 с.

11. *Малюкова Л.Н.* Ф. Крюков и И. Бунин. Парадигма времени в творческом пространстве // Федор Дмитриевич Крюков: возвращение к читателю. Мат. Всерос. научн. конф. Орел: Изд-во АНО Духовно-патриотического центра «Вятский посад», 2024. С. 228–238.

12. *Негретов П.И.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М.: Книга, 1990. 288 с.

13. *Панарин С.А.* Гарибальди в России: траектория образа // История и современность. 2013. № 2, сентябрь. С. 75–105.

14. Переписка Ф.Д. Крюкова с сотрудниками и корреспондентами журнала «Русское богатство» (1905–1915 гг.) / вступ. ст., подгот. изд. и коммент. А.В. Дубровского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2023 год / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб.: Полиграф, 2023. С. 383–432.

15. *Пумпянский Л.В.* Романы Тургенева и роман «Накануне» // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собр. тр. по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 381–402.

16. *Сёмина Ю.И.* Отображение в автопсихологических персонажах «учительского цикла» Ф.Д. Крюкова общественно-политических взглядов автора // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2025. Т. 11, № 2 (42). С. 59–72. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-2-59-72>.

17. *Смирнова Е.А.* Литературно-публицистическое наследие Ф.Д. Крюкова: тематический анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66), ч. 4. С. 47–52.

18. *Смирнова Е.А.* На рубеже эпох: литературное творчество и публицистика Ф.Д. Крюкова. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2017. 300 с.

19. *Чуковский К.И.* Новый Горький // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ, 2012. Т. 7: Литературная критика. 1908–1915. 2-е изд., испр. С. 478–487.

Research article

The Main Character of Fedor Kryukov's Story “The Ripple”: Nikifor Terpug and the Transformation of the Image

© 2026. Yulia I. Semina
Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is the first to examine the draft manuscript of Fedor Kryukov's story “The Ripple,” which makes it possible to trace the transformation of the main character, the Cossack Nikifor Terpug, from a radical revolutionary

nicknamed Movod in the original conception to an apolitical and ambivalent character in the final version of the story published in 1909 in the “Znanie” collection. The transformation of Terpig’s character is analyzed using archival materials, such as the writer’s diaries and letters, which contribute to a more accurate interpretation of the author’s original conception of the character. The article reveals the connection between Kryukov’s own search for his path in the rapidly changing life of Russia in 1905–1909 — he was an active participant in the liberal socio-political movement at the time — and the transformation of the main character of “The Ripple.” It is concluded that Kryukov originally conceived Terpig as a “new man” of his time, a Cossack hero who had historically proven his ability to defend his own freedom and independence. However, the few years that passed between the conception of the story and its final version changed the writer’s political views, as he became disillusioned with the results of the revolutionary movement of 1905, which was reflected in the final image of the character. The main character of “The Ripple,” who combines democratic aspirations with infantile and destructive tendencies, opens the gallery of ambivalent characters in Kryukov’s social prose, set in the crucial period of Russian history from 1905 to 1917.

Keywords: Fedor Kryukov, “The Ripple,” Nikifor Terpig, Movod, social literature, “new man,” revolutionary hero, autopsychological character

Information about the author: Yulia I. Semina, PhD Student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-4396-0722>

E-mail: yuliyasemina@mail.ru

For citation: Semina, Y.I. “The Main Character of Fedor Kryukov’s Story ‘The Ripple’: Nikifor Terpig and the Transformation of the Image.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 25–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-25-40>

References

1. Astapenko, M. *Ego nazyvali avtorom “Tikhogo Dona”* [He was Called the Author of “The Quiet Don”]. Rostov-on-Don, Edinstvo Publ., 1991. 115 p. (In Russ.)
2. Bolshhev, A.O. *Shedevry russkoi prozy v svete psikhobiograficheskogo podkhoda* [Masterpieces of Russian Prose in the Light of the Psychobiographical Approach]. St. Petersburg, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University Publ., 2011. 348 p. (In Russ.)
3. Gao, Kh. *Donskoe kazachestvo v khudozhestvennom vospriyatii F.D. Kriukova i literaturnyi kontekst* [The Don Cossacks in the Artistic Perception of F.D. Kryukov and the Literary Context: PhD Dissertation]. Moscow, 2024. 224 p. (In Russ.)
4. Gao, Kh. “Dramatizm kazachei zhizni v proizvedeniakh F. Kriukova” [“The Dramatic Nature of Cossack Life in the Works of F. Kryukov”]. *Filologiya: nauchnye issledovaniia*, no. 10, 2023, pp. 9–14. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.10.48494> (In Russ.)
5. Egorova, Iu.M. “‘Est’ u vas dobryi lirizm, <...> zadushevnyi, iskrennii i russkii’: M. Gorkii i F. Kriukov” [“‘You have a Kind Lyricism, <...> Heartfelt, Sincere, and Russian’: M. Gorky and F. Kryukov”]. *Fedor Dmitrievich Kriukov: vozvrashchenie k chitateliu. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Fyodor Dmitrievich Kryukov:

Return to the Reader. Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Orel, Autonomous Non-Commercial Organization for Additional Education “Spiritual and Patriotic Center Vyatsky Posad” Publ., 2024, pp. 16–27. (In Russ.)

6. Znamenskii, A.D. *Krasnye dni: Roman-khronika: v 2 t. [Red Days: A Chronicle Novel: in 2 vols.]*, vol. 1. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1991. 560 p. (In Russ.)

7. Kriukov, F.D. “Pamiati materi” [“In Memory of the Mother”]. *Fedor Kriukov. Nakanune. V chas predrassvetnyi. Stat'i i ocherki [Fyodor Kryukov. On the Eve. In the Hour Before Dawn. Articles and Essays]*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2021, pp. 323–330. (In Russ.)

8. Kriukov, F.D. “Tsvetok-tatarnik” [“Tatar Flower”]. Kriukov, F.D. *Obval. Smuta 1917 goda glazami russkogo pisatel'ia [Collapse. The Time of Troubles in 1917 through the Eyes of a Russian Writer]*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2009, pp. 262–267. (In Russ.)

9. Kriukov, F.D. *Epokha Stolypina. Revoliutsiia 1905 goda v Rossii i na Donu [The Era of Stolypin. The 1905 Revolution in Russia and the Don]*. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2020. 368 p. (In Russ.)

10. Maliukova, L.N. “I pokatilsia s grokhotom obval...” Sud'ba i tvorchestvo F.D. Kriukova [“And the Collapse Rolled Down with a Roar...” The Fate and Work of F.D. Kryukov]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)

11. Maliukova, L.N. “F. Kriukov i I. Bunin. Paradigma vremeni v tvorchestvom prostranstve” [“F. Kryukov and I. Bunin. The Paradigm of Time in Creative Space”]. *Fedor Dmitrievich Kriukov: vozvrashchenie k chitateliu. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii [Fyodor Dmitrievich Kryukov: Return to the Reader. Materials of the All-Russian Scientific Conference]*. Orel, Autonomous Non-Commercial Organization for Additional Education “Spiritual and Patriotic Center Vyatsky Posad” Publ., 2024, pp. 228–238. (In Russ.)

12. Negretov, P.I. *V.G. Korolenko: Letopis' zhizni i tvorchestva. 1917–1921 [V.G. Korolenko: Chronicle of Life and Work. 1917–1921]*. Moscow, Kniga Publ., 1990. 288 p. (In Russ.)

13. Panarin, S.A. “Garibaldi v Rossii: traektorii obraza” [“Garibaldi in Russia: The Trajectory of the Image”]. *Istoriia i sovremennost'*, no. 2, September, 2013, pp. 75–105. (In Russ.)

14. “Perepiska F.D. Kriukova s sotrudnikami i korrespondentami zhurnala ‘Russkoe bogatstvo’ (1905–1915 gg.)” [“Correspondence between F.D. Kryukov and the Staff and Correspondents of the Journal ‘Russkoe Bogatstvo’ (1905–1915)”], introd., text prep., and comm. by A.V. Dubrovsky. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2023 god [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2023]*, ed. by T.S. Tsarkova. St. Petersburg, Poligraf Publ., 2023, pp. 383–432. (In Russ.)

15. Pumpianskii, L.V. “Romany Turgeneva i roman ‘Nakanune’” [“Turgenev’s Novels and the Novel ‘On the Eve’”]. Pumpianskii, L.V. *Klassicheskaia traditsiia: sobranie trudov po istorii russkoi literatury [Classical Tradition: Collected Works on the History of Russian Literature]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 381–402. (In Russ.)

16. Semina, Iu.I. “Otobrazhenie v avtopsikhologicheskikh personazhakh ‘uchitel'skogo tsikla’ F.D. Kriukova obshchestvenno-politicheskikh vzgliadov avtora” [“The Reflection of the Author’s Social-Political Views in the Autopsychological Characters of the

F.D. Kryukov's 'Teacher Cycle'.²]. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates*, vol. 11, no. 2 (42), 2025, pp. 59–72. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2025-11-2-59-72> (In Russ.)

17. Smirnova, E.A. "Literaturno-publitsisticheskoe nasledie F.D. Kriukova: tematicheskii analiz" ["The Literary and Journalistic Legacy of F.D. Kryukov: A Thematic Analysis"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (66), part 4, 2016, pp. 47–52. (In Russ.)

18. Smirnova, E.A. *Na rubezhe epokh: literaturnoe tvorchestvo i publitsistika F.D. Kriukova* [At the Turn of the Epochs: Literary Creativity and Journalism of F.D. Kryukov]. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2017. 300 p. (In Russ.)

19. Chukovskii, K.I. "Novyi Gor'kii" ["New Gorky"]. Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols.], vol. 7: Literaturnaia kritika [Literary Criticism]. 2nd ed., corr. Moscow, Agentstvo FTM Publ., 2012, pp. 478–487. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 24.11.2026

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 24.11.2026

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026